

Марина Воронина
Семейные ценности

Рассказы

Марина Воронина

Семейные ценности. Рассказы

«Издательские решения»

Воронина М.

Семейные ценности. Рассказы / М. Воронина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851062-5

Проза редкого реалистического жанра. Без изысков и красотостей, что называется по-мужски, Марина Воронина рассказывает о людях «нашего двора». Холостяк ищет в соцсетях юношескую любовь; домохозяйка устраивается на ночную подработку; у алкоголика умирает собака; родственники приезжают на родину за наследством... Но мелкие, казалось бы, радости и ничтожные поступки героев настолько порой драматичны, что мало кого оставляют равнодушным. Очень нужная, добрая и чуточку грустная книга. Про нас с вами.

ISBN 978-5-44-851062-5

© Воронина М.
© Издательские решения

Содержание

Семейные ценности	6
1	7
2	11
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Семейные ценности Рассказы

Марина Воронина

© Марина Воронина, 2017

ISBN 978-5-4485-1062-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семейные ценности

Карл Улоф Ларссон (1853—1919)

1

Когда она умерла, земля встала дыбом. Словно дождавшись освобождения от надоевшей насельницы, испод кухни стремительно пророс всем, что веками таилось в придавленных недрах. Сквозь лопнувший пол лезла вверх трава, комья смерзшегося грунта, корни, камни, тряпки. Горбатилось нечто монолитное и темное, похожее на спину чудовища. Печь, столько испекшая шанег и рыбников, всегда гревшая в пазухе горшок с пшенной кашей или политую маслом картошку, развалилась надвое. В груди известки и кирпичных обломков синела шербатая верхушка огромного валуна.

Дверь в спальню валялась далеко внутри, точно выбитая пинком.

– Мне страшно, – прошептала Елена. Не понимая, куда и как поставить ногу, чтобы не провалиться, нужно ли здесь вообще двигаться, не утянет ли, она ухватилась за рукав сестры. – Может, уйдем?

Татьяна не ответила. Внимательно и настороженно смотрела на разгром. Было и страшно, и грустно, и неожиданно, и холодил восторг возможной схватки с чем-то. Казалось, если она крикнет – эй, что происходит? – горб в полу шевельнется, разбуженный. И разлетится всё по сторонам вместе с двумя изумленными женщинами. Быть убитой издыхающим жилищем почившей бабушки – не смешно ли? Прихлопнутой сосновыми половицами, которые они ребятенками усердно терли и намывали, не обидно ли!.. Всё, что она видела, оставалось вне разумения, возмущая и притягивая, как манит нырять глубина.

С осторожностью, опасаясь не столько свалиться, сколько потревожить чей-то перерыв в разрушительной работе, Татьяна пробралась в бабушкину спальню. Кровать исчезла. На голых, стенах, не осталось ни фотографий, ни знаменитой метровой косы, напоминавшей девочкам скальп из романов Майна Рида. Диван был на месте, даже с ящиками.

– Тяни, – велела она Елене.

– Боюсь...

– Заладила одно и то же, сорока! Тяни, говорю.

Внутри отыскался стеклянный гардеробный номерок с выжженной семеркой, самодельная фоторамка и крохотная деревянная трубка, прокуренная до дыры. Татьяна понюхала. От трубки терпко несло ввевшимся табаком.

Задрезжали окна. Деревья на улице не шельхались, но стекла звенели, будто их трясли. От желоба остывшей голландки пахло холодной сажей.

– Уходим. Стул возьми.

– Какой? – прошептала Елена.

– Сзади валяется.

За диваном лежал венский стул, с дырочками в отполированном многими задницами круглом сиденье. Схватив его, сестра помчалась вон.

Татьяна еще постояла на пороге, запоминая картину разгрома. Какая-то неведомая сила уничтожала дом так мощно и яростно, что сомнений не возникало: здесь и сейчас уничтожится память. Горб дорастет до скалы и окончательно, навсегда задавит камнем некогда живое и даже знаменитое место.

– Где же ты нагрешила, в чем напортачила, Екатерина Алексеевна? – подумала Татьяна и неожиданно поклонилась в пояс тому, что уже нетерпеливо ожидало ее ухода. Стекла тряслись вовсю, воздух потрескивал, от земли тянуло прелью. Трижды перекрестившись, она повернулась спиной и, с трудом сдерживая желание оглянуться, спустилась во двор. Забрала у растерянной сестры стул и поспешила в сторону людей и машин.

– Чувство, что там никогда и никто не жил, – догнала Елена. – Но ведь сорок дней! Месяц... Куда все делось?

– Разобрали.

– Старушечьи-то шмотки? У нее даже простенького телевизора не было. Книжки и разговоры за самоваром, и те – шепотом. Может, бомжи разворовали?

– Спроси что-нибудь полегче...

– Что с городом творится! Безлюдье, улицы не стрижены, не метены. Осталась ли тут какая власть? Я обезумела: сколько брошенных домов! А в них лампочки горят. Раньше о бомжах и не слыхивали. А теперь...

– Да, страшный город, – поддержала Татьяна.

Они шли по некогда центральной улице своего детства, мимо бывшего кинотеатра, бывшей школы, бывшего дома культуры. Пятиэтажные хрущобы слепо моргали застекленными балконами. Общественная баня была еще жива, действовала, но окружавшие ее кусты боярышника с китайками усохли, и некому было сжечь в кочегарке кривые обвалившиеся стволы. Бетонный мост зиял провалами, смещенными плитами, выпавшими перилами, и не рухнул пока в бурные волны потому, наверное, что мало кто проходил и проезжал по нему. Когда-то он слыл достижением инженерной мысли, соединив растекшееся устье студеного Белого моря.

Женщины несли стул, на них никто не оглядывался. С моря привычно задувал ветер, пахло гниющими водорослями.

– Бомжи не могли, – продолжала практичная Елена. – Да и как бы они сунулись туда, где Борис хозяин, в принципе.

– Значит, сам Борис. Что подходящее – снес в скупку, в металлолом, пропил. Остальное на свалку.

– Стал бы он на свалку таскать! Не барское дело. Братья, вроде, младшие были.

– Померли.

– Камни эти... Слушай, может, подкоп делали? Искали ценности? Как тогда, у прадедушки. А что! Бабуля тот еще фрукт была.

– Лен, какие глупости ты городишь. Там подвала никогда не было. Дом на сваях стоял, потому что внизу – мерзлота. И с чего ты решила, что – фрукт?

– Ну а как же. Помнишь, у нее народ всякий топтался? Кто только не сидел за самоваром, даже парни молодые заходили. Ходят и ходят, шу-шу да шу-шу... Один чаевник за дверь, другой ему на смену. И всё по-тихому, как в больнице. Вот, что это было?.. Сомневаюсь, выходила ли сама бабуля куда из дома?

– Скажешь тоже! Конечно, выходила. Забыла? Сколько раз мы после уроков прибежали, а к двери батожок приставлен – нет никого.

– Ага! – обрадовалась Елена. – Батожок! Вот искушение, скажи? Дом открыт, одна только палочка сторожит.

– И однажды ты эту палочку отодвинула, – засмеялась Татьяна, вспомнив, как нетерпеливая, шустрая семилетняя Ленка, которую все называли «помело», не выдержала и убрала от входной двери сигнальный батожок. Ужасно труся – то ли неизвестности, то ли внезапного возвращения бабушки, – они поднялись по лестнице. Девять гладких стертых ступеней.

Метров в шестьдесят, оттого полупустая, кухня была привычно строга, тиха и надраена. Блестел на солнце голый пол. Светилась свежей побелкой печь. Поставок с остывшими углями для самовара стоял на чистом железном листе, похожий на стражника в черном мундире. Ушастая кадушка с водой покрыта деревянной крышкой, к уху, как обычно, прицеплен медный ковшик. Хозяин кухни – самоварище с вместимостью два ведра, начищенный до зеркального блеска, венчал длинный дощатый стол, застеленный клеенкой в мелкие розовые цветочки.

Девочки пару минут постояли в дверях, оглядывая знакомое, хоть и редко посещаемое, место. Им нравилось и одновременно не нравилось приходить сюда, где с ними мало разговаривали, но неотступно и строго приглядывали. Каждый раз бабушка учила делать что-то по хозяйству. Как мыть полы, как стирать собственные майки, елозя куском хозяйственного

мыла по ребристой цинковой доске. Всё это было скучно, нудно, а заканчивалось традиционным чаепитием и молчаливым чтением книг. Внучки листали то, что принесли с собой, а бабушка Катя – «Приваловские миллионы». Книжка читалась и перечитывалась ею так давно и долго, что разбухшими страницами обрела размеры фолианта. Имелись ли в квартире другие книги, кроме «Приваловских миллионов», они не знали.

До сих пор непонятно, для чего мама упорно посылала их навещать бабушку, а когда девочки жаловались – там скучно, сурово отвечала: терпите. И почему бабушка не противилась их приходу, принимала, кормила, оставляла ночевать. Ведь она никогда не радовалась им, не привечала. Из-за любимчика Бориса? Так он уже в который раз грел очередные нары, семьи давно не существовало. А сентиментальной, умильной старушкой Екатерина Алексеевна никогда не слыла. Хотя и выглядела ею: маленькая, с круглым личиком, в светлом переднике на цветастой юбке, с теплыми ручками без двух пальцев на правой кисти.

Девочки сознавали, что мама с бабушкой друг дружку недолюбливают, мягко говоря, хотя ни та ни другая никогда про это не произносили ни слова. На их памяти, мама побывала здесь лишь один раз.

Это произошло зимой. Татьяна помнит, что на маме было тяжелое ватное пальто и отсыревшие от мокрого снега драповые бурки. Раздеться бабушка не предложила. Таня стояла, мама присела у порога на табуретку. О чем шел разговор, она не поняла. В конце им завернули на дорожку пяток картофельных шанег, только что вынутых из печи. Дома мама выложила еще горячие шаньги на блюдо и воскликнула:

– Хоть режь, но больше всего на свете я люблю ее шаньги!..

В квартире, кроме кухни – сосредоточия бабушкиных дней, имелись две комнаты. В узкой, навроде вместительной кладовки, жила то ли квартирантка, то ли наперсница, тетя Маша, молчаливая худая старуха в плотном платке старообрядки. Другая – просторная, с окном в полстены, отчего стена казалась стеклянной, как на веранде. От окна, перегораживал комнату массивный стол с толстыми резными ножками. Девочки давно подсчитали, что поместиться за ним могли двенадцать человек, но у бабушки стояло всего два стула, один из которых они несли сейчас по городу. Стол явно был пришлым, из другой действительности и, наверное, таил какие-то секреты. Но им никогда не удавалось хоть бы на маленько приподнять скатерть и рассмотреть столешницу, дабы убедиться в наличии других деталей, кроме круглых ножищ. В комнате дети никогда не оставались одни.

Была тут еще массивная этажерка со всякими мелочами, навроде коробок с пуговицами, набором спиц и веретенец, мотками овечьей шерсти, которую бабушка пряла, наверное, всей округе. Если она не пекла пироги, не пила с кем-то чай и не читала «Приваловские миллионы», значит – сидела за прялкой и накручивала на веретено мохнатые нити. Удивительно, но она никогда не связала внучкам и пары рукавиц. Тогда это почему-то не казалось странным или обидным. Даже мысли – не свяжет ли нам бабушка чего? – не возникало.

Всё, что делала баба Катя, как она жила, происходило параллельно их жизни с мамой, касалось опосредованно. Как бы часто Таня с Леной к ней не забегали, не оставались ночевать, не подставляли головы под жесткий гребешок, которым вычесывались предполагаемые бабушкой вши, они оставались гостями. Дальними и, как скоро они поняли, бедными родственниками.

Север не располагает к явной нежности отношений. Их же баба Катя являлась исконной карельской поморкой. А те – что прибрежные валуны: сколько волны по ним не хлещут, какие льды не громоздятся, стоят себе смертвую, ни осколочка не отскочит. В суровом краю и люди суровые, известно.

Ни смеха, ни песен не разносилось по огромной кухне. И дети, прибегая, с порога превращались в оловянных солдатиков. Если бы не мамина южная кровь, не врожденная любозна-

тельность и способность нафантазировать что угодно, намывая посуду и глядя на свои кривые рожицы в самоварных боках, девочек к бабушке и волоком бы не затащили.

За столом прятался пружинный диванчик с откидывающимися валиками и ящиками понизу. У дальней стены – никелированная бабушкина койка, высокая от множества тюфяков под периной. Спала баба Катя практически сидя – такая гора подушек подкладывалась ей под голову. Над постелью – та дурацкая девичья коса. С чьей головы ее срезали и почему, никто не объяснял. Икон Екатерина Алексеевна не держала, но если поминала Господа, крестилась искалеченной лапой на восток, а укладываясь спать, долго шептала какие-то молитвы, глядя в стену. На стенах висели фотографии отца с матерью и самой Катерины. И та, грудастая, с полной шеей, увешанная речными жемчугами Катерина настолько не походила на нынешнюю бормочущую старушонку, что Тане всегда хотелось смеяться.

В тот раз, приоткрыв незвано дверь, девочки увидели то же, что видели всегда, и через минуту уже мчались в свой дом пионеров, где было гораздо интересней и веселее, чем в бабушкином гнезде.

Они расстались с неласковой бабушкой, с продуваемым прибрежным городом, тогда вполне еще благополучным, на исходе семидесятых, как закончили школу. И возвратились через тридцать лет, получив запоздалое известие, что Екатерина Алексеевна «нонеча отдала Богу душу» и похоронена там-то тогда-то. Тридцать лет они даже не писали ей писем. А тут что-то торкнуло повзрослевших внучек. Спешно собрались и поехали. Успели к сороковому дню, аккурат, чтоб попрощаться, если не с телом, так с духом.

Никто их не встречал, поминок не устраивал. Вместе и бабушкой и город тоже, казалось, вымер. В редких прохожих сестры никого не узнавали, и на них никто не смотрел. Бросив вещи в привокзальной комнате матери и ребенка, они явились к осиротевшему жилищу.

И увидели то, что увидели: дом уходил в землю вслед за хозяйкой. История, содержание которой, не считая случайных упоминаний, редких деталей, была для потомков вытравлена – нечаянно или нарочно, кто объяснит? – завершилась.

Очень скоро, через полгода, на еще живом куске земли, спрятавшим бывшее бабушкино жильё, вырастет супермаркет, скрыв под фундаментом даже очертания, самый намек на существование здесь некой точки мироздания. Узнав про магазин, сестры подумают: гроша ломаного жалко дать за его безопасность. Их бы воля – обнесли бы сестры это место оградой, оставили нетронутым, как есть, точно капище.

А пока, они вернулись на вокзал и разложили захваченные трофеи.

– Зачем нам номерок? Куда сунем вонючую трубку? Чемодан табачищем пропахнет, – рассматривала их Елена. – Стул тащить через всю страну... вечно что-нибудь выдумаешь, Танюха.

– Не верещи. Дотащим. Трубка, наверняка, отцовская. Тот еще бродяга был, романтик-экспроприатор...

– Не валялась бы в диване чужая, факт. А рамка – кстати. Сунем туда деда!

– Прадеда, хочешь сказать.

– Ну да, Алексея Архиповича Няйтиева.

2

Рамка была стругана из дощечек и пропитана морилкой так качественно, что не расхлябалась и не потеряла глубокого орехового цвета, хотя сроку ей было лет пятьдесят, а то и больше. Сохранилось и стекло, и гвоздочки с грубой бечевкой для цепляния.

Фотокарточка бабушкиного отца хранилась в скудном мамином архиве. В затрепанной бумажной папке с измахрившимися тесемками, которую дочери разбирали после похорон, лежали пара десятков снимков времен маминой запоздавшей юности. Вот она с одной подружкой зимой у березы, вот с другой летом у входа в парк. Вот, в подвязанных халатах и марлевых беретиках, живописная группа медсестер и санитарок расположилась в больничной беседке: у ног распласталась горбунья, другие стоят в ряд, по-детски держась за руки. Везде – мама самая приметная. И выше всех, и чернявее, и беретик самый кокетливый, и тень улыбки идеально очерченного рта наверняка заставляла трепетать многие суровые мужские сердца. И – никаких снимков предполагаемых родственников, никаких семейных застолий. Кроме старинной фотографии с фирменным оттиском: «Архангельск 1916 год».

И без надписи на картонном обороте, что это – Няйтиев Алексей Архипович, таможенник торгового порта села Сорока, женщины признали бы своего 36-летнего прадеда. С детства они видели это худое угрюмое лицо над бабушкиной постелью, и прекрасно помнили, что из-под окладистой широкой бороды, сильно старившей Алексея Архипыча, виднелся Георгиевский крест. Здесь Няйтиев запечатлен без Креста, с пустыми погонами на гимнастерке, в фуражке с кокардой. Он сидит нога на ногу, красуясь высокими опойковыми сапогами, и смотрит в камеру строго, надменно и недоверчиво. Дело ль делаешь, мил-человек, под черной накидкой аппарата?..

Сестры помнили, что из своей краткосрочной семейной жизни, мама чаще всего и, главное, с удовольствием, вспоминала именно дружбу с дедом, заменившим ей и свекра, и отца.

Последние годы старик жил в одиночестве, отослав жену Дарью окончательно к дочери в город. Ни слова, ни понятия «развод» в глухих поморских селениях не существовало, но это был именно развод и, вероятно, такой же суровый, как сам Алексей. В сохранившихся письмах с фронта сына его Изота, погибшего в Румынии в 1945 году, нет и слова приветствия батю. Значит, тот уже тогда жил бобылем, а ведь прожил после Победы еще пятнадцать лет.

«Нётти» у карелов значит «красавчик». Фамилии и прозвища попусту не дают. Это всегда метка, по которой угадывалась в человеческом стаде особь. Из-за лопатистой бороды и всегдашней хмурости признать в Алексее Архипыче красавца было затруднительно, но это – с какой стороны смотреть и какими мерками мерить. Вероятно, мама смотреть умела. По любому, во взаимной симпатии нелюдимого старика и залетной украинской красавицы Оксанки, жены его внука, усматривается сродство душ.. Вроде того, что свой свояка видит издалека.

Оксанка была единственной, кого он пускал в дом. И она единственная, кто сумел туда войти, когда дед умер.

Дикого нрава лайка, няйтиевский охранник и сообщник, видалась к двери на малейший шорох, готовая разорвать каждого, кто осмелится потревожить хозяина. В окно видели, что Архипыч помер за столом, окаменев перед миской с тюреей. Неизменный его обед: покрошенный в миску с водкой ржаной хлеб и репчатый лук.

– Всё как не у людей, водку и ту ложкой хлебают, – рядили по деревне.

Пристрастие деда к адской смеси и тогда удивляло мужиков, возмущало баб, а нынче в такое вообще поверить сложно. Но легенда утверждает: ел тот исключительно тюрю на водке.

Сидел Архипыч сутки, а то и дольше, пока не догадались послать за Ксанкой. Три часа до города тюрхала сельсоветовская телега, три обратно. Но, получив весть, невестка не меш-

кала. Как была в медицинском халате и тапочках, так со смены и поехала, только что швабру в закуток убрала.

Ксанка смело, не раздумывая, толкнула плечом тяжелую дверь и скрылась внутри. Уж собака визгу подняла, уж она каталась по полу от счастья, что явился главный человек, и освобождает их с хозяином от стылых оков смерти. Оксана прицепила пса в дальней кладовке, пообнимала, пошептала и, наконец, впустила народ.

Гроб, как заведено у серьезных людей, давно дожидался на чердаке, оббитый черным сатином и устланный стружками. Похоронили Няйтиева в тот же день, на закате. Лайка исчезла неведомо куда. Оксана заперла хату и вернулась в больницу.

Дарья с дочерью не спешили ехать в деревню принимать наследство. Не лежала душа входить в пропахший махрой и спиртом дом, откуда они были изгнаны много лет назад. А когда явились, дома уже не было.

– Батюшки святы! – крестилась вдова на груду бревен.

Рослая, с топорно скроенным, закоричневевшим от времени, но все равно чем-то неуловимо прекрасным, будто деревянная икона, лицом, она стояла перед тем, что когда-то называлось семейным гнездом. Ветер трепал по ногам старого льна юбку, срывал с головы по-старообрядчески повязанный плат.

Сосновый, длинный, с высоко рубленными окошками, чтобы зимой не заваливало снегом; с острой, опять же от снежной тяги, двускатной крышей, дом строился специально для молодых. 25-летний Алексей, счастливо избегнувший русско-японской бойни, вложил в него все заработанные на таможне деньги. Строиться на берегу, как все, не пожелал.

– Не рыбак я, – нехотя объяснял он, почему ставит дом наособь, ближе к тракту, метров за триста от деревни.

И хоть, правда, не рыбачил Няйтиев, другим прикормом жил, не поверили, видать, мужики.

– Золотишко, баю, прячет, – нашептывал в уши Федька Евтифеев. – Внутрях плотничать не дозволил, прогнал. Сам-от! А мы че, видим разе, че он на отшибе сам-от делает?

– Небось, приворовывает со шнек да карбасов, че говорить. Сколь с Груманта товара запрещенного тащат.

– И приворовывать не надо, купчишки сами отдадут. Аль забыли, как забрали бот у Шамалуева? На мысе Бережнуха пост таможенный, так он хотел мимо шмыгануть, с норвежским ромом в трюме. Ну и, задержали, известно. Ему бы сунуть солдатне бочонок, а он ярится: я-де, купец первой гильдии, делиться с захребетниками не желаю, и такое прочее. Всю контрабанду забрали, и улов, и бот, да штрафу еще сколько написали. Тронулся-от Шамалуев от такого горя и несправедливости...

Сказка про няйтиевское золото ходила по деревне, а вернее – тишком ползала, дабы Архипыча не озлить, до самой его смерти. И то, что старик презрел вступать в колхоз (без меня сопливьтесь в «Батраке» своем, сказал), но чем-то жил, из каких-то средств покупал ту же водку, только укрепляло подозрение земляков – точно, имеется золотишко!

Подождав Дарью с неделю, мужики не выдержали. Влезли внутрь и вначале скрытно, по ночам, рылись в дедовом подполье, простукивали стены. То ли не нашли ничего и потому рассердились, то ли нашли да следы скрывали – никто же потом не признался, не повинился, – но пришли ватагой днем, с ломами и гвоздодерами. Разнесли дом, только груда еще крепких бревен и самодельная мебелишка, сваленная кучей в стороне, достались Дарье от мужа. Та шум поднимать не стала, по дворам не пошла. Вывезла всё подводой в город – дочери на дрова.

А место до сих пор нетронуте осталось, сгнившими до сухой зелени колышками отмеченное. Растет в зарослях жесткой поморской травы береза, пошевеливает вислыми ветками, будто неустанно отпевает кого-то, горюет, уговаривает.

Дыма без огня не бывает. Нягттиевское золото существовало. Только сам старик об этом слыхом не слыхивал...

– Да, как раз для деда рамка, – решила Елена. – Не пообедать ли, сестренка?

– Дак нет буфета. Кого кормить? Пассажирские мимо нас пулей проскакивают. – зевнула дежурная по вокзалу.

– А мы как же приехали? Не поездом разве? – резонно усомнились вокзальные постояльцы.

– То-то и оно. Кто – сюда, еще остановят, высадят, а ради тех, кто отсюда – не тормозят. Звонишь раз по десять, надоедаешь, что билеты проданы.

– Но почему? Это же узловая станция! Здесь порт. Лесопильный завод, в конце концов. Как могут поезда не останавливаться на таком объекте?

– Вспомнили! Нет давно завода. И порта нет. Пяти морей... Эх, рыбу знатную там коптели – объеденье. Особенно беломорочка хороша была. А песцов каких на зверофермах разводили? Доски за границу продавали?.. Всё было. Только вот, кончилось однажды. Раз – и пусто. А вы здешние, что ль? Не похожи.

– Родились тут, да.

– А я сюда соплюшкой после техникума заступила. Думала – повезло, на серьезное место попала. Грузовые составы на запасных в очередь отправку ждут. Почтово-багажный по два часа оформлялся, столько корреспонденции всякой. С этакой станции да карьеру не сделать? А оно, вишь, как повернулось... Распродали город черт-те кто и кому. Ничего нет. Кроме магазинов. Вы сходите, купите чего поесть. У меня разогреете. А нет, так ресторан где-то там открыт, «Европа» называется.

– А как же мы назад?

– Посадим! Но, чтобы без нервов, лучше автобусом. Если недалече ехать. А так – посадим, куды ж мы денемся! Какая-никакая, а станция пока еще, – и дежурная рассмеялась, демонстрируя редко стоящие золотые коронки в широком напомаженном рту.

«Европой» оказалась бывшая столовая лесозавода. Притемненный интерьер скрывал огрехи дешевой отделки. На стекле, защищающим бордовую скатерть, просматривались следы фужеров и пролитых жидкостей.

– Не буду я это есть! – отшвырнула Елена меню. – С ума сойти, сколько стоят у них «вручную слепленные пельмени с нежнейшим мясом молодых бычков»!.. Хоть бы не так нагло ввали. Купили оптом по акции в магазине, а продают за эксклюзив шеф-повара.

– Выберем что-нибудь нейтральное, примирительно сказала Татьяна. – У меня же таблетки, всухомятку нельзя.

Солянку, впрочем, подали вполне съедобную и щедро густую. Было два часа пополудни. Серый день за окном отличался от минувшей ночи только слегка поголубевшим небом, да шумом проезжающих автомобилей, заглушавшим шум реки на скальных порогах.

В ресторан ввалилась компания весело взведенных молодых ребят, веселящихся, видимо с утра, с первой похмельной стопки. Громко, точно оглохшие, переговариваясь, они проследовали в дальний угол. Все одноцветно серые, тощие, с ореолом голодной немытости. Усмотрев в руках одного полуторную бутылку минералки, официантка заверещала:

– Нельзя со своим! Уберите, не стану обслуживать.

– Ты че, коза! Это газировка.

– Знаю, какая-токая газировка! Градусов шестьдесят, не меньше?

– Нюхай, кувырла, – отвинтил крышку долговязый парень в резиновых сапогах. – Че, убедились?.. Тащи-ка, лучше, жрать. Ну и, графинчик тоже.

– Два графинчика! – засмеялась компания, с шумом рассаживаясь.

– ... Как думаешь, что это за номерок? – крутила Елена стеклянную бирочку с выжженной черной семеркой. Совершенно нетипичный предмет для бабушки Кати. Культурной жизнью не увлекалась, в гардеробах не раздевалась. Может, из поликлиники? Случайно же попасть он в диван не мог.

– Или это чья-то память.

– Чья?

– Мамина. Есть история, как они с отцом последний раз ходили на танцы.

– Не помню такую историю.

– Ты крохоткой была, когда она рассказывала. А я уже в третьем классе училась. Запомнила.

– Тебе повезло, – с привычной завистливостью протянула Елена. – Сколько она тебе всего понарассказала! Я только слушаю и дивлюсь, будто в чужой семье росла.

– Уж куда как повезло... Все дети давно в постелях лежат, а десятилетняя Таня полы в школе моет... Мне думается, этот номерок имеет отношение к тебе.

– Как это?!

– А вот как. Секунду... Девушка, можно вас? – подозвала она официантку. – Принесите, пожалуйста, стакан кефира или молока.

Девушку заказ явно обескуражил. Вечно эти приезжие что-то удумают, читалось в недовольном всем на свете взгляде.

– Кефира или молока? – тянул она, пытаясь угадать, кто эти тетки, не опасны ли, не проверка ли какая.

Полная, с коротким ежиком седых волос, явно смахивает начальницу. Вопрос – чью? Другую, худую, с уложенной рыжей прической, в серебряных перстнях и браслетах, тоже можно принять за кого угодно.

– Ну да, молока, – подтвердила седая.

– У нас такого нету. Это в магазине надо.

– Тогда молочный коктейль.

– Э... Коктейля тоже нету, – мучилась официантка.

– А мороженное есть?

– Мороженное есть! – моментально взбодрилась та, взяла карандаш наизготовку и гордо перечислила: пломбир, ванильное, фисташковое, с шоколадом, с фруктами, с коньяком!

– Пломбир, без ничего.

– Шоколадной крошкой посыпать?

– Без ничего.

– Собираешься мороженым заесть таблетку? – потешалась Елена, глядя, как мчится на кухню освободившаяся от непонятных просьб официантка.

– Подожду, когда растает.

– Надо было с собой кефир захватить.

– У них нельзя со своим, ты же видишь, – махнула Татьяна в сторону парней, уже открыто разливавших «газировку» по ресторанным рюмкам, и сестры расхохотались. – Так вот, про номерок. Мама на сносях была, два месяца оставалось тебя донашивать. И пошли они с папой Борей на танцы...

3

Борис был, конечно, дамский угодник и по женской части большой ловкач. Чем их брал, неизвестно. Сам в точности не понимал, почему женщина – простая или мужняя, красавица или так себе, – соглашалась хоть в кино, хоть в постель через несколько часов общения. Конечно, в разговор с дамами он вкладывался, как мерин в борозду, не жалел ни слов, ни улыбок, ни света в глазах, ни времени, ни обстоятельств. Ареной становилось всё, где он заставлял зацепившую его внимание прекрасную особь. Очередь в аптеке? Пусть. Знакомство на улице? Отлично. Застолье? Ничего проще. Хоть вся семья стеной загорода предмет, но если Боря решил – предмет будет принадлежать ему. Одно слово – вор-домушник.

Включалось в нем что-то при виде женщины. Не желание – больше. Словно он обязан, призван душевно потратиться на Машу-Ньюру-Дусю, что-то отдать им, оделить, вернуть. И поэтому в каждую – собирался или нет – влюблялся. Пусть на два часа короткого ухаживания, но влюблялся, как заговоренный. Не для себя опять же, для нее. Загорался влет, но и затухал легко, выполнив миссию. Освобождал себя для следующего любовного переживания. Покидал арену так, чтобы женщина о нем вспоминала, по возможности, без ненависти и ведер выплаканых слез. Чему, кстати, невзрачная внешность его весьма способствовала. Понервничав на ветреного кавалера, женщина всегда могла утешиться: «Не очень и нужен такой уродец, получше найдем!»

Кошелев Борис роста был чуть ниже среднего, курносый, тонкогубый, с продавленными, как у матери, светло-серыми глазами, всегда поблескивавшими презрительным холодком – дескать, ну и мурло вы все, мимо ходящие. Залысины тонких волос преждевременно оголили круглый аккуратненький черепок. При моде на вихры и шевелюры, реденькая прическа Бориса не красила, зато придавала солидности.

Он с детства профессионально промышлял домушничеством. В жилища влезал не от стечения обстоятельств, когда нужда приперла. И не по причине хулиганского куража, которое толкает на проступки и преступления от самого себя неожиданным чихом. Нет. Каждая акция продумывалась, планировалась, вдохновенно подготавливалась; вычерчивался маршрут выноса чужого добра, место схрона, схема сбыта. Строго соблюдался принцип: там где живешь, не гадить. И потому соседи Кошелевых, зная или подозревая о его воровском промысле, ни разу парня куда надо не сдали. А зачем? Сдашь своего придурка, явится чужой. А так, и договориться всегда можно, и защиты попросить, а уж за собственные замки точно не беспокоиться.

Конечно, с бабами он своими профессиональными делами не делился, при знакомстве воров не представлялся. Не потому, что нельзя или стыдно. Подобные чувства он вряд ли испытывал. Не потому также, что опасался бабьих языков или собирался кого-то из них использовать в нужных целях. Ни в коем разе, баба – это десерт жизни, ее для другого занятия беречь требуется. Обе пламенные страсти – воровство и любовь, он старался не смешивать, наслаждаясь каждой в чистом виде. Но домушничество, практикуемое с детства, все таки наложило отпечаток на его и без того непримечательную внешность. Быть неброским и незаметным в толпе, не опознаваемым случайными свидетелями входило в набор его преступных инструментов, наравне с отмычкой. И женщина, вдруг бесследно покинутая пылким обольстителем, скоро благополучно забывала, как он, собственно, выглядел-то. И встретив на улице (чего он старался все же не допускать) не узнавала не сразу.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно хмыкал Борис, когда недавняя пассия смотрела в его сторону припоминаяще, но отчужденно.

Тогда, через шесть лет после бойни с гитлерюгами, восемнадцатилетний Кошелев ходил в авторитетах. Золотые дни воровской шпаны!

Город, венчающий длинный, самый длинный в мире, путь сталинского Канала, всегда был заполнен войсками НКВД. На время военных действий он был набит ими под завязку. Мало того, что усиленно охраняли Беломорско-Балтийский путь, так еще и орду властей, вывезенной из оккупированной столицы властей со всеми республиканскими архивами. Фронт давил сверху и снизу. Слева враждебная Финляндия. Справа студеное море. Городок поневоле обрел статус прифронтовой столицы. Не только воры – невинные пынчужки самоистребились на это суровое время. Зато потом!..

Когда гитлерюг погнали по Европе, замороженный городок встряхнулся и началось мощное производственное возрождение. Законсервированные цеха, доки, платформы, фермы, дороги ударно заработали на восстановление народного хозяйства государства. Укрупнился торговый порт. Развивалась рыболовная база. Загрохотал деревообрабатывающий завод. Вернулись из эвакуации жители. Привезли назад спрятанных по лесам бывших заключенных, возводивших до войны сталинскую гордость. Канал заработал, а строителей расконвоировали, но разехаться не позволили, превратив тут же в вольнонаемный обслуживающий персонал.

Городок естественным порядком наводнился таким количеством разнокалиберной публики, воря, прежде всего, что НКВД подняло руки: сдаемся! Делайте, что хотите, только объекты хозяйствования не трогайте. Иначе – стреляем на поражение. К таким, как Борис, вольность пришла небывалая. Преступный оборот настолько убыстрился, что нередко пропавшее платье хозяйка видела уже третьего дня на дамочке, купившей его законным путем «вчера на рынке или даже в магазине». Милиция замучилась составлять протоколы «по факту обнаружения украденных вещей».

И тут, беспринципный и осторожный, Борис вдруг решает обзавестись статусом законопослушного гражданина: «прогуляться до армии». Концы какие-нибудь отсекал, или что почуял, или просто отдохнуть решил – не рассказывал. Но на полном серьезе отдал три стройбатовских года родной Отчизне.

Биография Кошелева, как и его невзрачная внешность, полна противоречий и несовместимостей. «Особо опасный рецидивист» имел трудовую книжку, где основной профессией значился «плотник». Вписан там еще «стрелок 1 класса команды ВОХР», уволенный через полгода за «употребление спиртных напитков на рабочем месте». И это после 20 лет отсидок в колониях разного режима. Может, книжки были липовые, а может и нет, но было их числом три.

Подлоги, вранье, скрытность, лихачество, внезапные порывы благородства и доброты, способность красиво обольщать и умение хладнокровно убивать перемешались в Кошелеве, как карточная колода. Но одна карта в ней оказалась не краплёной, а потому битой: любовь к Оксанке.

Мама была много старше его – на целых восемь лет, выше на голову. Красавица украинской породы, возле которой любой мозгляк превращался в добра-молодца, потому что невозможно быть приближенным и при этом не стать добрым молодцем.

Общее прозвище «каналоармейка» не прилипало к ней, хотя именно каналоармейкой она и являлась. Но об этой части биографии разговор особый. Главное, что на момент встречи с Борисом, Оксана уже лет пять жила вольным человеком, восстановленным во всех правах, и единственное, о чем болела ее душа – о нерожденных детях. Чудовищные будни пробиваемого в скалах судоходного канала, не особенно и пригодившегося стране, загубили женское здоровье. Но вдруг столкнулись две личности, малоподходящие друг другу, и высекли две искры: Таню и Лену, сидящих сейчас в убогом ресторане не справившегося со своей миссией города, и разглядывавших цифру семь на гардеробном номерке.

... – О, краля! – толкнул Бориса локтем дружбан Костик Воробьев.

По дощатому тротуару навстречу им шла раскрасневшаяся от мороза молодка. В черном сукольном пальто, толстом платке, намотанном на голову с воротником вместе, в ботиках на резиновом каблучке. Она спешила, мелко и быстро семеня по утопанному снегу и, боясь поскользнуться, неотрывно смотрела под ноги.

Борис дернул дружбана в сторону. Провалившись в сугроб по колени, они пропустили мимо так и не заметившую их кралю.

– Зря! – посмотрел вслед Костик. – Можно было поручкаться. Дорожка узкая, куда бы она делась?

– Не зырь. Не твоё.

– Че, уже присвоил? Ну, ты и хват. Только где ж ты ее отыщешь? Упорхнула птичка.

– Моя забота.

– Валяй, – с досадой согласился Костик.

Спорить с Кошелем, тем более, тянуть на себя, что тот присмотрел, мало кто решался. Вернувшись со службы, Кошель без просьб и лишних обсуждений вернул лидерство в шайке, спровадив в отставку пришлого, но жестокого любителя помахать ножом, Гошу Редькина. Пока прежний вожак отсутствовал, спокойная воровская компания постепенно превратилась в разбойничью. Некоторым это нравилось. Но большинству хотелось, как прежде, нормально жить в родном, пусть и периодически обворовываемым ими городе, ходить без оглядки, жениться, кому-то даже работать, в угоду родственникам.

– Гуляй, – холодно посоветовал 23-летний Борис сорокалетнему громиле Гошику, явившись на стрелку в двубортном фарсовом костюме и белой рубахе. – А вы чего варежки разинули? Шагайте следом! – и пошагал развалочкой на бережок, проставиться за возвращение.

– Сквитаемся! – пригрозил опозоренный Гошик. Но не успел. На следующий день его увидели висящим на фонаре в центре городка, в петле, сделанной из армейского ремня Кошеля...

Дамочка с тротуара, внезапно задев чугунное сердце Бориса, с каждым днем всё глубже в нем отпечатывалась. Казалось, что сердце треснет, столько в нем было теперь этого дурацкого, как у старухи, платка, грубых варежек, чулок цвета жухлых листьев. А ноги? Он вспоминал длинные гладкие икры и поскрипывал зубами.

Отыскать молодку труда не составило. Кошель не поленился один из свободных дней провести, устроившись на валуне вблизи той самой дорожки. Со стороны не светился, но сам видел всё и всех. К вечеру дамочка появилась. Шла, всё также закутанная, поддерживаемая под локоть каким-то хлыщем. Борис проследил их путь. Сквозь неплотно задернутые занавески убедился, что барак, в который они вошли, ее квартира.

Когда она размоталась и сняла тяжелое пальто, голова Бориса чуточку закружилась. Женщина была совершенна, как актриса. Прямая спина, гордо вздернутый подбородок, брови вразлет, крупные белые зубы. В низких лацканах темного костюма виднелась потрясающая грудь. Не сама грудь, конечно, а только блузка, но под гладким шелком, под ленточным бантиком угадывалось роскошество, убедившее парня завоевать эту красотку, чего бы ни стоило.

Красотка поправила волосы, черными кудрями, спускавшиеся на воротник и открывающие крупные уши, с которых не свисало серег. Прижалась к своему то ли мужу, то ли хахалю, и Борис спрыгнул с завалинки. Смотреть дальше было неинтересно.

Первый пункт программы завершен. Барышня отыскалась. Никуда она теперь от него не денется. Завтра можно приступить к пункту два: знакомству. Третий и четвертый пункты обозначатся по ходу дела. Кто знает, может еще придется свернуть весь план действий. Может, не захочется ничего дальше. Может, краля эта на самом деле – тупая курица, не стоящая его внимания и усилий. Перепихнуться есть с кем и без нее. Так пытался думать Борис, чуя нутром опытного оболъстителя, что ничего не свернется, а наоборот развернется, и финал еще

не начавшейся истории ему не предугадать. Но он обожал опасности, риск, игру, и потому еще сильнее пожелал эту женщину.

С самого начала всё пошло не так. Сколько бы Кошелев не попадался на пути, она его не замечала. Просто-напросто НЕ ВИ-ДЕ-ЛА. Он и здоровался, и время спрашивал, и комплименты отпускал, и след в след ходил. Бесплезно. Каждый раз она отвечала что-то невнятно-беглое, и безразлично плыла мимо, поскрипывая ботами. Борис растерялся. Быть пустым местом ему быть еще не доводилось.

– А чего мы такие фифы? – произносил он монологи, ворочаясь без сна на постели. – Что из себя воображаем? Ну симпатичная – признаю. Шмотки как надо прилажены. Интересно, где она барахолится? Не шибко санитарки в больницах зашибают, чтобы такие жакетки носить. Поломойка! Из одного барака в другой перепрыгнула, а – нос воротишь?!

Он вспоминал белую бязевую косынку, повязанную на затылке, закатанные валиком рукава и стонал:

– Вот же стервоза!

В безразмерном халате санитарки, с обтрепанными завязками на спине, подпоясанная кушаком, Оксана Михайленко казалась соблазнительнее, чем в киношном костюме с бантом. Добавлялось теплое ощущение податливой ласковости «сестрички», и это будоражило.

Практически всё теперь про нее Кошелев знал. Кроме одного – как юная хохлушечка попала на великую северную стройку. В его среде заказано интересоваться скользкими деталями чужой биографии, но все равно непонятно. Выходит, девчонка оказалась здесь лет в десять. За какие же грехи? Малолеток на канал не пихали, родичей у нее, похоже, никаких не имеется. Странная ситуация. Плевать. Что он – следователь?.. Всё в прошлом – взрывы, граниты, война. Мирная житуха вокруг, воля вольная – пользуйся, коли сила есть! Судя по хахлам, сил в этой санитарочке немеряно!

В конце концов, он заставил Оксану с ним познакомиться. Пришлось, правда, в больнице дуриком поваляться, зато уж там она от него не отвертелась! Всё, что мог и не мог, вывернул из себя парень, чтобы увлечь, заинтересовать, понравиться, запомниться. Когда она смеялась, отворачивая к плечу скуластое лицо, его кожа покрывалась мурашками. Когда заглядывала по утрам в палату и громко, сверкая карими глазами, шептала – Борис, я здесь, выходи, – его сердце ухало, точно по спине ударяли поленом. Выписываясь, он предложил Оксане выйти за него замуж. Попросил, точнее.

– Что? – удивилась та.

– Замуж. Давай вместе жить.

Вытащил из портсигара папиросу, постучал по кулаку, табак высыпался.

– Ты же одинокая, я знаю. – Борис отшвырнул пустую бумажную гильзу. – За мной, как за пазухой, жить станешь. Я фартовый, так что...

– Шутишь, парень? За кого меня принимаешь? Потравил анекдоты и – право заимел, так что ли? – спрашивала она незнакомым голосом, в котором слышался и гнев, и насмешка, и бог знает что еще, неприятное и неожиданное, вроде как к стенке приперли и допытывают. – Я с ним, как с человеком, а он!.. Шуруй-ка мимо, да не показывайся больше мне на глаза.

– Ты чего? Я серьезно! Одну...

– Пошел ты, знаешь куда? Оденет он. Я, может, нищая и одинокая, но не настолько, чтобы каждому фраеру в невесты записываться. Вас тут много, я одна. Понял? Иди. Не хочу тебя знать. Фартовый нашелся...

Но было поздно. Борис закусил удила и решил, хоть сдохни, овладеть горячкой. Раз за разом он подступал к ошестинившейся крепости, получал втыки, уходил оплеванный, но не сдавался: Оксанка сделалась его манией. Он уже не мог без нее жить. А упрямая баба этого не понимала. И отбрыкивалась, отмахивалась от навязчивого кавалера, ругалась и насмешничала, пока однажды он не приставил к ее горлу нож.

То утро Оксана не забывала никогда.

Закончив суточное дежурство, она не торопясь возвращалась домой. Пахло скорой весной, подталым снегом. Блестели на утреннем солнце насморочные сосульки. В березах потренькивали синицы и горестно, как обиженные дети, вскрикивали пролетавшие над головой чайки.

Больница была выстроена на отшибе, в конце острова, который так и назвали – Больничный, заменив прежнее пугающее название Собачий. Соединялся остров с центром широким, кряжистым, поставленным на два заваленных булыжниками быка, мостом. Неистовое течение било в деревянные стояки, разметывало по сторонам густую желтую пену. Каждый раз Оксана останавливалась на мосту и завороченно смотрела вниз на бурлящую реку. Вода словно бы уносила с собой усталость, ненужные мысли и переживания, бодрила для нового дня.

Там и поджидал жертву взбесившийся Борис. Потом он каялся, объяснялся, твердил про отчаяние и дикую любовь, и Оксана верила ему. Так оно и есть, понимала она, не повезло мужику, влюбился смертно и безответно. Но не простила, и не собиралась прощать.

Она смотрела на воду, напиваясь ее силой, как вдруг платок с головы слетел и к оголившейся шее прижалось лезвие. Не ножа. В серьезные дела Кошель пользовался более совершенным оружием – отточенным до тонкости бритвы хирургическим скальпелем.

– Я это, – хрипло задышал за спиной Борис. – В общем, так, красавица. Или выходишь за меня, или я тебя сейчас режу. Без вариантов. Соображай.

Оксана Михайленко хорошо знала местные нравы. Вариантов действительно не было. Она представила, как несут волны ее порезанное тело в Белое море, и подумала: не хочу, рано. По шее уже сползала струйка крови.

– Выйду. Убери, – как можно спокойнее, скрывая ненависть, произнесла она.

Через месяц произошло чудо: Оксана Михайленко забеременела. Отмороженные на скалах органы ожили под неистовым напором бешеного Бориса. Осенью родилась Татьяна. Через пять лет Елена. За два месяца до рождения второй дочери Кошель справлял прощальную гастроль.

Его шайку наконец накрыли с поличным. Самого при этом не было, но и таракану было понятно: загребут. И он из свидетеля переквалифицируется в обвиняемого, причем главного. А с ворохом статей, которые выложат на стол козырями, чалиться ему предстоит долго. И потому – гуляют все! В побег ударяться – себе хуже. Раз уж такая карта выпала – примем. Не сидел еще, что позорно. Теперь отметится.

Дома он эти дни ночевал редко, отчего свекровь Екатерина Алексеевна еще недовольней поглядывала на невестку. Она с первых дней была настроена против молодухи. Что такое! На восемь лет старше сына, расконвоированная – да на ней клейма ставить некуда! Еще и регистрироваться отказалась, цаца.

Что верно, то верно. Оксана так и не согласилась признавать вынужденный союз с Борисом семьей, хотя за детей была ему благодарна. Совместное проживание под воздействием обстоятельств – и хватит с вас. Что хотел, то получил. Если бы свекровь знала, что первенец носит материнскую фамилию, а в графе «отец» в метрике прочерк – бурю бы устроила не шуточную. Но та, не приученная к семейным разговорам, мало что спрашивала, и потому думать не могла, что за ее спиной может такое твориться. Способность свекрови всё вокруг воспринимать со своей колокольни, не интересуясь подлинной картиной дел, Оксана презирала. Но никогда не высказывалась. С того дня, как ее «взяли замуж», она везде и со всеми предпочитала молчать. Заводная, веселая хохлушка, которую даже лагерь не очень-то обтесал, перестала петь песен и не рассказывала баек. Уже не завивала волос на бумажные папильотки, а гладко зачесывала назад и наматывала кулей на затылке. Но, похудевшая, с запекшейся в глазах тоской, с мимолетными улыбками, она была красивее и притягательнее прежнего, и Борис ужасно мучился от ее нелюбви.

Узнав, что Кошелеву грозят этапы длинные и отлучка продлится неведомо сколько, облегченно вздохнула.

– Знаешь, Боря... Я не стану тебя ждать.

– Вот как, – сообщение не поразило. Кот из дома, мыши в пляс. Он знал, что когда-нибудь они с Оксанкой расстанутся. Не знал только, как. И вот – пришло. Сам ей открыл дорожку.

– Помоги нам съехать от матери? Если не противно возиться, конечно.

– Когда собралась ноги делать?

– Да хоть с завтрашнего утра.

– Уже замену нашла постель греть?

– Успокойся. Долго еще в хомуте ходить не захочется. Сыта, знаешь ли.

– Я любил тебя, Ксюха.

– Знаю. Если честно, ты был неплохим любовником. Иногда мне даже нравилось... А ты никогда не задумывался, почему я не сбежала, не придушила тебя темной ночью?

– Неужто смогла бы?

– Еще как!..

– Побоялась?

– Нет. Открою на прощание секрет... Я ведь бесплодна, Боря.

Он смотрел, не понимая, где тут юмор, и на всякий случай насторожился.

– Не удивляйся. Я еще в детстве всё себе на канале отморозила. С кем ни жила, забеременеть не получалось. Профессор один меня смотрел. Сказал – пробуй, девка. Шансов мало, но, может, явится чудо-богатырь и сотворит чудо, пробьет твой смерзший ком. Так что, спасибо, Боря. Заслужил ты меня, получается. Жаль, что выбрал не лучший способ... Теперь мы разбегаемся. Даю слово: ни отца, ни бабушки детей не лишу. Вырастут, сами определяют, кто из нас плох, а кто не очень.

– Значит, кранты всему, что было?

– Ага, кранты, – улыбнулась Оксана. – Иди, Боря, своим путем. Воруи, мотайся по стране, устраняй конкурентов. Наша история – кончилась. Умный же, сам понимаешь. Тебе тридцать лет! Найдется баба, с которой ты станешь счастлив.

– Сучка ты, однако... Но, всё правильно говоришь. Трудно с тобой жить. Иногда, кажись, вспорол бы, на куски порезал, но ведь – люблю. Так люблю, что землю под тобой целовал бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.